

1

— Это только в кино так — нашли труп в кустах и кто-то там истошно закричал... — говорила, уткнувшись лицом в плечо мужа, молодая женщина в мокром купальнике и наброшенной на плечи голубой кофточке. Она вся дрожала, даже зубы стучали. — А это в реальности, подхожу к камышам, а там, в темной воде, белеет нога...

— Ну, во-первых, это не камыш, — пытался отвлечь жену от кошмарной картинки, которая не отпускала ее вот уже почти два часа, муж. — Это рогоз. Во-вторых, зачем ты вообще полезла туда?

— Так нарвать для букета, чтобы домой привезти!

— Помнится, совсем недавно ты говорила, что букет из камыша...

— Из рогоза же!

— Да какая разница?! Говорят, что поставить букет из камыша в доме — плохая примета.

Женщина всхлипнула:

— Ну да, камыш в доме к болезням и смерти! Получается, что примета работает... Хоть домой и не привезли, а смерть, вот она, в камышах! Скажи, ее уже достали оттуда? Молодая? Как выглядит?

— Таня, что у тебя в голове? Спроси еще, красивая она или нет!

— Так женщина же, Боря, человек, жалко. Что с ней сделали? Господи, ужас-то какой!

На берегу, на песке, лежало тело молодой женщины. Мокрые светлые волосы облепили голову, закрыли половину лица.

На женщине был сплошной купальник черного цвета. Утопленница была худощавая, с плоской грудью, при жизни — высокая и стройная. Такой ее, во всяком случае, представил себе Борис. И она, конечно же, не просто утопленница. В области живота можно было разглядеть рану. «Нож, — решил Борис. — Ее убили ножом. Это убийство».

Над телом склонился мужчина в легком летнем костюме — судя по всему, судмедэксперт. Молодой следователь, обливаясь потом в сером костюмчике, сидя на пеньке поодаль от тела и пристроив папку на коленях, записывал что-то, видимо, вел протокол.

— Боря, когда уже можно будет поехать домой? — заскулила Таня, еще глубже зарываясь носом в поросшую шерстью грудь мужа. — И пусть ее уже поскорее увезут!

Последние слова прозвучали особенно истерично, она буквально взвизгнула.

— Хочешь выпить?

— Но только не шампанского, — захныкала она. — Давай уже водки.

2

Она не ночевала дома. Я понимаю, конечно, многие взрослые люди позволяют себе не ночевать дома, что у них случаются свидания, какие-то спонтанные поездки, несчастные случаи или просто непредвиденные обстоятельства, при которых невозможно ни добраться до дому, ни позвонить. Но все это не про мою сестру. Я не помнила ни одного случая, чтобы Марина не пришла ночевать (разве что останется на ночь у своей лучшей подруги, которая живет в соседнем подъезде, но это не в счет). Где бы она ни была, где бы ни задерживалась, все равно возвращалась домой, на такси ли, на машине друзей, даже пешком!

«Приветик, моя дорогая, — говорила она, входя глубокой ночью в мою спальню, пахнувшая улицей, морозом, снегом или мокрой листвой, усаживалась на кровать, брала меня за руку, склонялась надо мной и шептала на ухо: — Я вернулась. Теперь можешь спать спокойно. Или ты подумала, что твоя старшая сестра бросит тебя одну на всю ночь? Я здесь, с тобой, и я люблю тебя, моя дорогая Катя. Ну все, спокойной ночи».

Она поправляла мое одеяло, целовала меня, разбуженную и почти спящую, в щеку и выходила из комнаты.

Она на самом деле редко задерживалась. Как правило, с работы она могла зайти только в магазин за продуктами, а потом спешила домой, ко

мне. Когда же задерживалась я, моей сестрой это воспринималось как тяжелейшее преступление против семьи, и когда такое со мной случалось, я чувствовала себя страшно виноватой и страдала рядом с обиженной и замкнувшейся в себе сестрой.

Марина — прирожденный педагог, она филолог, как и я, и преподает в обычной школе. Я же — в Кропоткинском лицее (для непосвященных, это один из самых престижных лицеев города, где обучение стоит больших денег и куда не так-то просто попасть в качестве ученика, не говоря уже о том, чтобы устроиться туда преподавателем). Моей сестре тридцать два года, она человек целеустремленный, серьезный, ответственный, умеющий любить, и я не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы у меня не было Марины. Должно быть, я пошла бы по наклонной (так, во всяком случае, она и говорит).

Так вот. В то утро я вдруг отчетливо поняла, что Марины в доме нет. Точнее, в квартире. Потому что если бы она была дома, то даже до моей спальни добрались бы аромат кофе или запах яичницы. Да и звуков было бы куда больше. Это и хлопанье дверей, шум льющейся воды, стук дверцы кухонного шкафа, фарфоровое звяканье посуды, характерный звук открывающегося холодильника, шаги, тихая электронная мелодия, оповещающая конец стирки нашей новой стиральной машинки, или тихий голос моей сестры, разговаривающей по телефону.

Как же могло такое случиться или, вернее, что же такого могло случиться, чтобы Марина вчера не вернулась домой? Куда она пошла? Что она говорила? Возможно, я и запомнила бы это или хотя бы знала, если бы не эта неприятная история с конфетами.

Ну да, я купила дорогие шоколадные конфеты, Michel Cluizel, заплатив за драгоценную коробочку больше трех тысяч рублей. Решила покутить с полочки. Что в этом такого? Так хотелось попробовать мне знаменитых французских конфет. Купила, принесла домой, заварила чай и стала дожидаться прихода с работы моей сестры. Она пришла, увидела коробку на столе, пожалала плечами и пошла переодеваться.

— Марина, посмотри, какие конфеты я купила, — сказала я. — Помнишь, я рассказывала тебе о них?

— Это те, что кучу денег стоят? — услышала я доносящийся из ее спальни какой-то утробный голос, из чего сделала вывод, что она стягивает с себя через голову юбку или блузку.

— Ну да...

— Я сейчас приду, — буркнула она и заявила на кухню в халате. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

— Я понимаю, конечно, — завела она старую пластинку, — что тебе крупно повезло, что ты устроилась в Кропоткинский лицей, где платят огромные деньги, хотя ты как филолог ничуть не лучше меня, если не хуже... И вместо того что-

бы учить детей литературе и русскому языку, ты гуляешь с ними по парку, слоняешься по музеям, кормишь их пиццей... Но это твой метод воспитания, мы с тобой уже это обсуждали. Дешевый популизм. Ладно. Ты хочешь таким образом завоевать любовь своих учеников. Но вот так бездумно и легкомысленно взять и отвалить три тысячи за небольшую коробку конфет!.. Тебе что, русских конфет не хватает? Бабаевские там и другие. Вкуснейшие конфеты!

И тут она в порыве каких-то яростных чувств вскрывает коробку французских конфет, и мы обе видим, что все двадцать восемь толстеньких квадратных конфет с разноцветными марципановыми вкраплениями покрыты белым налетом. Таким нехорошим белесым пудровым налетом, как это бывает со старыми, побывавшими в холодильнике шоколадными конфетами.

— Ну вот, что я говорила?! — торжественно и как-то даже победоносно воскликнула Марина, тыча указательным пальцем в коробку. — Еще и старые купила! С червями!

Мне и самой уже неудобно перед сестрой. Зачем я потратила столько денег на эти конфеты? Что за дурь?

— Уж лучше купила бы гель для стирки белья и упаковку туалетной бумаги, все скоро закончится. И муки бы пять килограммов взяла. А еще лучше — купила бы говядины, может, хватит тебе уже жирными свиными отбивными ужинать? Ты

когда на весы последний раз вставала? Ты только посмотри на себя, разжирела как свинья!

Вот кто, как не самый близкий человек, скажет мне правду? Никто. В моем коллективе все считают меня стройной, и никому в голову не придет обозвать меня жирной. Но что они знают обо мне? Да ничего. А вот моя сестра знает обо мне все. И если кому я и не безразлична по большому счету и кто заботится обо мне, так это только она, Марина. И если она считает, что я ем слишком много жирного и сладкого, то это сущая правда. И что все это вредно.

Почему я вспомнила обо всем этом в то утро? Да потому, что в квартире было нестерпимо тихо — Марина не вернулась.

Это я сейчас так спокойно вспоминаю сцену с конфетами и то, как меня обозвали жирной свиньей. Но тогда, помнится, мне стало так обидно и за конфеты, и за только что заваренный чай, и за мое желание посидеть с сестрой, почаевничать, а вместо этого получить порцию нравоучений, что я заплакала.

— Когда ты плачешь, — сказала тогда сестра, — то словно выпиваешь из меня всю душу. Ты думаешь, конечно, что я хотела тебя оскорбить, унижить, а ведь я люблю тебя, дурочка моя, и всегда хочу тебе только добра. Но раз ты так реагируешь на мое желание помочь тебе, раз ты не ценишь мою любовь, то забудь, что я вообще есть.

Это были ее последние слова в тот вечер. Я знала, что последует за этим. Несколько дней молчания. Несколько дней моих страданий, потому что я не могу, когда Марина молчит. Чувство вины заглатывает меня целиком, и я начинаю задыхаться...

В дверь позвонили, я пошла открывать. Это была Зоя, коллега Марины и наша соседка, она жила в соседнем подъезде.

— Привет, Катюша, — сказала она, широко улыбаясь. В школе готовились к Первому сентября, и все учителя были привлечены к авральным августовским работам. Они отмывали окна после ремонта, заполняли документы, готовили учебные программы, писали планы, работали с методической литературой, подготавливали список литературы для учеников, приводили в порядок цветы, которые забирали в июне домой, украшали кабинеты. Вот и сейчас на Зое был не строгий костюм или скромное платье учительницы начальных классов, а джинсы и веселая блузка.

— Привет, Зоя, — проговорила я растерянно, почему-то оглядываясь, словно где-то в квартире могла прятаться до этого не обнаруженная Марина. Я же понимала, что Зоя зашла за моей сестрой, чтобы они вместе отправились в школу.

— Куда сестру спрятала? Время!

— Так сегодня же суббота. Выходной.

— Да это все понятно. Но мы же с ней договаривались, что вместе пойдем — к десяти должна приехать одна наша родительница, у нее свой

цветочный магазин, и она дарит классу двадцать горшков с цветами, в основном с геранями. Ну как не встретить родительницу, не расставить цветы? Да там работы-то всего на часок.

— Зоя, Марины нет. Она не вернулась вчера домой. Не знаю, куда она отправилась и с кем, но ночевать не пришла.

— Марина? Да куда она могла отправиться?

— Понятия не имею. Мы с ней вчера немного поссорились, она, как это водится, перестала со мной разговаривать, я закрылась в своей комнате, но слышала, что она точно куда-то собирается. Она хлопала дверями шкафов, носилась по комнатам туда-сюда, потом сильно запахло духами. И когда я вышла, то застала ее уже в прихожей, вот здесь, она сидела на стуле и надевала свои новые сандалии. На ней был спортивный костюм, а на полу стояла дорожная сумка, из которой торчало горлышко нашего старого китайского термоса.

— Мальбрук в поход собрался, значит. Понятненько. Но с кем?

— Я подумала, что с тобой.

— Нет. Я ничего об этом не знаю. А что ее телефон?

— Он молчит. Ни гудков, ничего. Он словно умер.

— Бр-р-р... Ну ты и скажешь! Гудков нет?

— Нет.

— А до того как вы поссорились, она ничего не рассказывала, куда собирается?

— Нет. Но вид у нее был довольно счастливый.

— А чего ругались-то?

— Да так... Мелочи жизни, — я никогда не посвящала посторонних в наши семейные дела. Осторожничала.

— Ну что ж... Будем надеяться, что твоя сестра нашла себе мужичка да и загуляла!

Мне показалось или нет, что в голосе Зои прозвучала насмешка?

Всем было известно, что самая главная проблема в жизни моей сестры — это отсутствие какой-либо личной жизни. Что мужчины, несмотря на ее, казалось бы, эффектную внешность (высокий рост, красивая худоба, огромные черные глаза), обходили ее стороной, словно она была заколдована злой ведьмой. Мы с Зоей не раз обсуждали эту тему. Обычно это происходило после какого-нибудь веселого школьного корпоратива, к которому моя Марина готовилась задолго, надеясь хотя бы в расслабленном и пьяненьком состоянии понравиться кому-нибудь из преподавателей-мужчин. Покупались платья и украшения, косметика и духи, туфли и сумочки-клатчи, но очередной корпоратив происходил так же, как и предыдущий, и, вернувшись поздно ночью домой и сорвав с себя одежду, Марина подолгу рассматривала себя в зеркале, пытаясь понять, что в ней не так.

— За метр обходят, — удивлялась она, глядя на свое довольно-таки поджарое и мускулистое тело. — Что грудь плоская, так это у половины

наших баб такая же беда. Но только они все замужем, детей куча. Что во мне не так, Катя?

— Да все в тебе так, — поддерживала ее я. — Просто все они слепые. Или же, что самое страшное, видят в тебе умную женщину, именно это их и отпугивает.

— Хочешь сказать, что я работаю с одними дурами?

Что тут было ответить? Я переводила разговор на другую тему. Спрашивала, не сползали ли чулки на кружевных резинках с ляжек, когда она танцевала, комфортно ли ей было в новом платье. Обратили ли ее коллеги внимание на ее новые серьги, и все в таком духе. Она понимала этот мой маневр, отмахивалась от меня и шла в душ, где, как я понимала, она будет плакать.

Я знала, что после таких вечеринок с обилием шампанского и закусок моя сестра захочет поесть перед сном горячих щей или супа, а потому, пока она приходила в себя в ванной комнате, подогревала ей еду, накрывала на стол на кухне, дожидаясь ее, чтобы продолжить свою успокоительную терапию.

— Между прочим, — заводила она с порога, вернувшись закутанная в халат и с тюрбаном из полотенца на голове, — еще неизвестно, как чувствовала бы себя на нашем празднике жизни ты, Катя. Думаю, что тебя просто не заметили бы из-за твоего маленького роста. Да и одеваешься ты вульгарно, у тебя же совершенно нет вкуса! Ты пойми, единственное твое сокровище, которое

тебе непременно захочется продемонстрировать, я имею в виду твою грудь третьего размера, будет воспринято нашими мужиками исключительно как сексуальная приманка. Ну, зажмет тебя кто-нибудь, Владимир Николаевич, к примеру, физрук, в своем углу позади спортивного зала, ну, там, где воняет лыжной мазью еще с зимы и где почти все пространство занимает огромный теннисный стол, начнет лапать... Разве тебе этого захочется?

Она так часто вспоминала этого своего физрука с его теннисным столом, что нетрудно было догадаться, что же там когда-то давно произошло между этим Владимиром Николаевичем и Мариной. И откуда ей знать, как там пахнет, не говоря уже о том, откуда ей знать, как бы повел он себя со мной, появившись я на школьном корпоративе. Наверняка этот парень напился да и потащил за собой мою сестру в свой медвежий угол, завалил ее там, прямо на теннисном столе...

— Марина, успокойся, я никогда не появлюсь у вас на корпоративе, а потому не надо пугать меня вашим физруком.

— А что это ты меня успокаиваешь? Ты кто вообще? Не надо меня успокаивать. У меня все в порядке. Я спокойна. Вот доем щи и пойду спать. Все! Какие проблемы? Что ты пристала ко мне? Или ты думаешь, что моя откровенность дает тебе право вот так снисходительно вести себя со мной? Еще неизвестно, чем занимаешься ты в своем лице. Не факт, что, когда ты задерживаешься там

после занятий, не запираешься в своем кабинете с каким-нибудь физиком или математиком. Или ты думаешь, что я совсем слепая и не вижу твою довольную физиономию, когда ты возвращаешься растрепанная, с красным лицом и блудливыми глазами?

Вместо того чтобы защищаться (а я этого почти не умею и перед сестрой обычно робею, и мне в такие минуты кажется, что я становлюсь еще ниже ростом), я ставлю перед сестрой большой бокал сладкого чая.

— Вот. Выпей и ложись.

Казалось бы, обычная фраза, но почему-то даже она воспринимается как вызов.

— Ты будешь мне еще приказывать? Ты это серьезно? Вот так ты платишь мне за все, что я делаю для тебя? Посмотри мне в глаза, ты что, серьезно не понимаешь, почему я до сих пор одна, не замужем? Или ты поверила, что мужчины действительно не обращают на меня внимания? Да все же из-за тебя! После смерти родителей кто тебя воспитывал? Кормил, лечил, таскал по врачам? Вместо того чтобы заниматься личной жизнью, я нянчилась с тобой, с трехлетней! Все твои болезни стали моими. Я была значительно моложе, как ты понимаешь, да я была совсем девчонкой, когда ты оказалась у меня на руках! Я отказывала себе во всем! И я никогда не выбирала, идти ли мне на свидание или сидеть дома с тобой...

Родители наши погибли, и смерть их была ужасная. Зимой оба отправились на рыбалку и

провалились под лед. Их долго искали баграми... Нашли.

Мне тогда на самом деле было три года, а моей сестре — девять. Она на шесть лет старше меня. И когда родителей не стало, нас воспитывала наша бабушка. И это она кормила и лечила нас, но у моей сестры в памяти почему-то остался тот период жизни, когда ей было, предположим, девятнадцать, а мне тринадцать, я как раз тогда заболела корью, и она, заразившись от меня, тяжело заболела и вынуждена была сидеть дома. Во всяком случае, именно тогда, я хорошо это помню, она была влюблена в мальчика из соседнего дома, его фамилия была Чернов, и это он научил ее целоваться по-взрослому. Думаю, он пытался научить ее и еще кое-чему, о чем она все порывалась мне рассказать, но так и не рассказала. Намекнула просто, что ее *тогда* чуть не стошнило. Позже, вспоминая этот свой первый сексуально-оральный опыт, она будет клеймить всех мужчин на планете не иначе как скотами и извращенцами.

Так что же случилось вчера вечером такого, чего я никак не могу вспомнить? И почему сестра не сказала мне, куда и с кем едет?

Я сказала Зое, что она всю дорогу молчала. Да, это так. Но почему? Почувствовала ли она свою вину за то, что швырнула в меня чашку с горячим чаем, но, промахнувшись, разбила ее о стену? Или растерялась после того, как больно ударила меня

по лицу за то, что я попробовала в который уже раз убедить ее в том, что меня пригласили в лицей не «за красивые глаза», а по рекомендации одного моего знакомого, по счастью, занимавшего не самое последнее место в отделе образования. И что я не спала с ним, как это представляла себе моя сестра, обо мне он справился на моем прежнем месте работы, в обычной школе, которая, между прочим, славилась на весь наш район тем, что я организовала там маленький театр, где мы с ребятами ставили незатейливые пьесы, сочиненные самими школьниками. К тому же мои ученики занимали первые места на олимпиадах по русскому языку. Я так и не поняла, почему Марина мой переход в лицей постоянно связывала с какой-то сексуальной взяткой должностному лицу. Быть может, она слышала о таком способе в связи с кем-то другим?

Да, точно, она действительно отправилась куда-то за город, и явно не одна. Спортивный костюм, термос. Куда и с кем? Но зачем так крепко душиться духами? Мужчина? Да, выходит, у нее появился мужчина, который и пригласил ее за город. И она не вернулась потому, что, во-первых, не могла дозвониться, просто оказавшись вне зоны доступа, во-вторых, вчера в нашем районе бушевали грозы (правда, в городе прошел всего лишь небольшой слепой дождик), и дорогу, по которой она со своим спутником заехала в лес, размыло...

Словом, первый день, когда моей сестры не было дома, я не особенно и тревожилась. При-

знаюсь, я даже на время забыла об этом. Мне, как и ей, надо было отправляться в лицей, поработать с документами и методичками и, что самое неприятное, повесить шторы в кабинете. Терпеть не могу это занятие. По мне лучше полы помыть, чем стоять с высоко поднятыми руками и цеплять петли за пластмассовые крючки.

А вечер так и вовсе обещал быть для меня невероятным — Кристина позвонила и сказала, что приготовила для меня сюрприз.

3

Следователь Сергей Иванович Родионов поднял взгляд на стоящую перед ним девушку. Ее звали Людмила, но в отделе к ней все обращались не иначе как Люся. Лейтенант Рожкова. Все мужики следственного комитета и опера были в нее влюблены, ей постоянно дарили цветы и шоколад, а вот она, позабыв всякий стыд, всем своим видом демонстрировала свою симпатию именно к Сергею.

— Ты снова с кофе?

— Сергей Иванович, не гоните. Дайте хоть посмотрю на вас, — Люся поставила ему на стол стаканчик с кофе.

Конечно, это была игра, оба улыбались, шутили, при этом так и норовя коснуться друг друга, но Сергей, у которого никогда не было проблем с женщинами, постоянно себя одергивал, сдерживался, чтобы даже не обнять по-настоящему

Люсю. Лейтенант Рожкова была просто создана для семьи, с такими девушками не развлекаются, на таких женятся. И вот именно этот фактор и не позволял Сергею ухаживать за ней, давать ей надежду. Пока. Не готов он был к женитьбе. Квартиру не купил, жил в съемной, денег особых тоже не было. А как жениться, когда ни жилья нет, ни возможности содержать семью? Не в лесу жил, знал, сколько стоит приличный букет цветов или ужин в даже самом скромном ресторане, а однажды специально зашел в отдел с детскими вещами для новорожденных и глазам своим не поверил, когда увидел, сколько стоят все эти распашонки, ползунки и памперсы.

Нет-нет, он не станет торопиться. У него был план: оформить ИП на своего двоюродного брата, выкупить небольшую станцию техобслуживания, расположенную неподалеку от его гаража, взять кредит и, докупив оборудование, открыть ее. За последние месяцы он довольно неплохо продвинулся в этом — собрал необходимые документы для получения кредита и даже нашел двух толковых мастеров.

— Да что на меня смотреть-то? — Он нахмурился. — Лейтенант Рожкова, ты мне лучше скажи, готов ли список пропавших женщин?

— Сергей Иванович, да я к вам с этим и пришла! За последний месяц к нам вообще никто не обращался с заявлением о пропаже женщин от двадцати пяти до тридцати пяти лет, к моему большому сожалению.

— Люд, ты серьезно? Ты сожалеешь о том, что никто не пропал?

— Нет, Сергей Иванович, я сожалею о том, что не могу вам помочь установить личность жертвы.

Он вдруг встал, подошел к Люсе, такой хрупкой, тоненькой, с огромными синими глазами, крепко обнял ее и едва коснулся губами ее губ. Затем отстранил ее, просто отодвинул от себя, как красивую и легкую куклу, и вернулся на место. Вдохнул, не глядя на оторопевшую Рожкову.

— Ладно, идите уже, лейтенант Рожкова. И спасибо за кофе.

— Ну и дурак, — она покрутила пальцем у виска, усмехнулась и вышла из кабинета. Он подумал тогда, как же ей идет форма. Полюбовался ею.

Так, хорошо. Он снова вернулся к разложенным на столе вещдокам. На месте преступления, на берегу реки Малый Узень, рядом с остывшим кострищем были обнаружены вещи жертвы: спортивный костюм, кроссовки, дорожная сумка с термосом с кофе, пластмассовая коробка с бутербродами, спички, таблетки сухого спирта, косметичка с разными женскими штучками типа помады и пудры, упаковка с презервативами. Получалось, женщина приехала сюда на свидание. Явно на машине, потому что до ближайшей остановки автобуса примерно десять километров, где деревня Бобровка. Поблизости расположено садовое товарищество «СНТ “Виноградное”», за которым проходит железная дорога и ходят электрички.

Понятно, что никаких камер видеонаблюдения поблизости точно нет. Глухое место. Вот разве что дачники могли что-то увидеть. Но это если предположить, что женщина приехала на электричке. Но среди ее вещей билета он не обнаружил. Значит, все-таки на машине. Была гроза, какие-то следы протекторов сохранились, конечно, но часть была все-таки смыта дождем. Женщина была убита вчера, то есть в пятницу. И по пятницам это место наверняка пользовалось популярностью у любителей природы. Река, большая, покрытая мягкой травой поляна, кострище, а рядом — вековые дубы, в тени которых можно спрятаться. Идеальное место для отдыха. Судмедэксперт Саша Суровцев сказал, что у этого места даже свое название имеется — «У трех дубов».

Дачники, он снова вернулся к этой теме. Только кто-то из них мог что-то увидеть. И если его помощник, стажер Паша Александров, разыщет людей, которые могли бы видеть стоящую на берегу машину, то это уже будет большой удачей. Если подняться по дороге к шоссе, то там-то есть камера, и тогда можно будет хотя бы попытаться вычислить эту машину. Хотя надежды маловато.

Если предположить, что жертва со своим убийцей решила устроить здесь пикник? Или нет, если преступник пригласил жертву к «Трем дубам», то не особенно-то он и готовился — на месте нет ни расстеленного на траве пледа, ни остатков еды, ничего. Они даже кофе из термоса не успели выпить. Хотя женщина переоделась в купальник и,

возможно, успела искупаться в реке. И это после грозы, когда вода вряд ли была очень теплой. Она стройная, длинноногая, может, специально переоделась в купальник, чтобы мужчина мог оценить ее фигуру? На берегу тоже нет следов. Словом, несостоявшийся пикник.

Сейчас Саша поработает над трупом, может, сообщит что-нибудь интересное. Предположительно, женщина скончалась от ножевых ранений. Ей было нанесено два удара — один в живот, другой — в область шеи чуть ниже затылка. Получалось, что преступник напал на нее сзади, ударил ее ножом, она упала, и тогда он нанес ей еще один удар, уже в живот. Чтобы убить наверняка. Преступник понятия не имел, куда наносить смертельные удары, а потому бил хаотично, куда придется.

Внешний осмотр тела показал, что женщина эта была ухоженна, следила за собой, пальцы рук выдают в ней человека, далекого от физического труда. Может, она была бухгалтером или работала с документами в каком-нибудь офисе. А может, была преподавателем музыки? Хотя вряд ли. Да мало ли таких профессий, при которых можно ходить с длинными ногтями и только и делать что стучать по компьютерным клавишам.

Он позвонил судмедэксперту.

— Саш, привет. Ну что у тебя там?

Он понимал, что рановато звонит, но хотя бы что-то узнать, чтобы двигаться дальше.

Он выяснил, что жертве примерно тридцать — тридцать пять лет, что она не была изнасилована. Что не беременна. Накануне смерти она поела тушеную капусту с колбасой и съела яблоко. Алкоголя в крови не обнаружено. Что была здорова и что даже все зубы целые, ни единой пломбы! И это пока все.

Кто же ты такая?

Он полистал в телефоне снимки, которые ему прислал Саша. Увеличивая их, он всматривался в лицо жертвы, как если бы по каким-то приметам, деталям мог узнать о ней больше.

Кошелек! Ни одна женщина не смогла бы отправиться на свидание без денег. Где он? А что, если недостаточно тщательно осмотрели место преступления? Искали нож, орудие этого самого преступления. Но ведь после того, как женщину убили и швырнули или оттащили к камышам, чтобы сбросить в воду, на месте могли побывать другие люди и забрать то, что плохо лежит.

Сергей собрал все документы, сложил в папку, сунул в сейф, который потом закрыл. После чего его взгляд упал на лейку. В ней еще оставалась вода. Он полил единственный цветок, названия которого он не знал, после чего вышел из кабинета, запер его и спустился к машине.

— У тебя как со временем? Очень занята?

— А что? — Она сощурила дивные синие глаза, улыбнулась тонкими розовыми губами. Какое счастье, подумал Сергей, что она не приклеила

или там не нарастила длиннющие ресницы и не надула какой-нибудь гадостью свои губки.

— Приглашаю тебя на деловой пикник. Место «У трех дубов» называется. Была там когда-нибудь?

4

Мне было ужасно стыдно, что я за весь день, что молчал телефон моей сестры, ни разу ей не позвонила. Решила, что, раз она устраивает свою личную жизнь, не буду ей мешать. И тот факт, что она мне не звонила, нисколько не огорчил меня, больше того, я почувствовала даже какую-то свободу, вернее, хотя бы временное отсутствие контроля.

Никому не нравится, когда контролируют, когда взрослого человека заставляют докладывать, а то и отчитываться, где находится и чем занимается. Это бесит меня, однако все это делается моей сестрой якобы из-за любви. Но что такое ее любовь? Думаю, что она до сих пор считает меня маленькой девочкой, которую нужно опекать, наставлять и направлять. Счастье, что она в какой-то момент перестала заплетать мне косы и повязывать банты. Так туго заплетать косы, стягивая волосы с таким остервенением, что глаза чуть ли не съезжали к ушам, а скальп едва ли не отрывался, могла только моя сестра. Причем у нее по поводу этого была своя теория, что якобы таким образом волосы будут быстрее расти и, соответственно, будут здоровее и гуще. Сама же она практически с самого детства хо-

дила к нашей соседке-парикмахерше Вере, которая делала ей фирменную стрижку, из-за чего волосы моей сестры всегда держали объем, симпатичную форму и выглядели очень аккуратно и стильно.

Думаю, после таких вот экзекуций, повзрослев и отвоевав себе право самой заниматься своими волосами, я вообще перестала их хотя бы как-то забирать, заплетать или даже укладывать. Уже давно мои волосы спокойно струятся по плечам, и единственный мой уход за ними (не считая, разумеется, использования дорогих шампуней, масок и масел) — это аккуратное подравнивание кончиков ровно на пять сантиметров. Такое обращение со своими волосами является своеобразным извинением перед ними за долгие годы пыток тугими косами.

В тот день я несколько часов провозилась в своем кабинете в лицее, развешивая шторы, прибираясь в шкафах и заполняя документы, после чего поехала к Кристине, купив по дороге эклеры. Домой приносить пирожные мне было строго-настрого запрещено — по мнению моей сестры, они были вредны, как самый настоящий яд. Принести домой эклеры и поесть их, давясь кремом под грозные речи моей сестры, удовольствие ниже среднего. Поэтому я наслаждалась ими либо в кондитерских, либо в ресторанах, где бывала с подружками, или же у Кристины.

Кристина... Я познакомилась с ней примерно год тому назад при удивительных обстоятельствах. После крупного скандала, вызванного мо-

им желанием купить машину, я, получив от сестры пощечину за то, что якобы грубо с ней разговаривала, выбежала из дома и пришла в себя уже в парке, на скамейке. Опухшая от слез, икая и то и дело промокая льющиеся без конца слезы со щек, я мысленно готовила побег из дома, рисуя самые нереальные, фантастические поездки в никуда или (почему-то) в Карелию. О Карелии я тогда мало что знала. Она представлялась мне каким-то невероятно чистым и хрустальным краем, крепко пахнущим лесами и озерами, где можно затеряться, найти себе приют и пустить там корни. Предполагалось, что я поселюсь в каком-нибудь живописном месте, где есть школа, и начну там преподавать. Больше того, я мысленно уже отправлялась с моими несуществующими пока учениками на природу, мы пекли там на костре картошку, пили кофе из термоса и читали стихи.

— Можно? — Я подняла глаза и встретила взглядом с высокой молодой женщиной в джинсах и длинной батистовой мужской рубашке молочного оттенка. Одна рука ее чуть ниже локтя была перепачкана зеленой краской, которую она, видимо, не заметила, а потому не стерла.

— В смысле? — не поняла я.

— Я могу присесть рядом с вами?

— Да пожалуйста... — Я успела оглянуться, чтобы убедиться в том, что две скамьи по обе стороны от меня свободны.

— Я могу вам чем-то помочь?

Длинный разрез ее карих глаз делал их похожими на олени. Густо подведенные черным, они, казалось, занимали половину лица. Черные вьющиеся волосы, лицо бледное, губы накрашены бледно-розовой помадой. От женщины пахло лимонами. Вот говорят же, что от некоторых людей исходят невидимые токсичные волны, это как от моей сестры, которая постоянно травит меня своей нехорошей энергией. От этой женщины шла такая мощная и какая-то радостная энергия, что я, словно хорошо политый чистой водой цветок, перестала вдруг плакать и даже улыбнулась.

— Да нет, спасибо. Все в порядке, — в подтверждение своих слов я как-то вся подобралась на скамейке, сдвинув колени, выпрямив спину и привычным движением заправив волосы за уши.

— Меня зовут Кристина. Я художник. Увидела вас, ваше лицо, и не смогла пройти мимо. Вы не хотели бы попозировать мне?

— Что?

— Я работаю над одной картиной, она, знаете, такая фантазийная, но там в центре должно быть женское лицо. Вот как у вас. Я заплачу вам.

— И чем же мое лицо вас привлекло? Оно опухло от слез... — вдруг разозлилась я. — Вас именно поэтому оно так привлекло?

— Нет. У вас был такой одухотворенный взгляд, как если бы вы были не здесь, а где-то далеко, и там вам было хорошо.

Ну, конечно, я же была в Карелии и пекла картошку с учениками!

— Ну, хорошо. Только я работаю. Свободна бываю только вечером. И никаких денег мне не надо, — поспешила я предупредить ее, сразу же оценив возможность хотя бы немного сменить обстановку и после работы мчаться не домой, а вот к этой Кристине. В ее квартире наверняка пахнет краской и повсюду много всего интересного. Другая жизнь. Жизнь, которая уж точно отличается от моей. Вот только как объяснить это моей сестре? Она же сразу попытается пресечь все на корню, скажет, что я полная дура, раз согласилась отправиться к незнакомой женщине якобы попозировать...

— Завтра в семь вас устроит? Я живу неподалеку от этого парка, буквально в двух шагах отсюда, там моя мастерская.

От слова «мастерская» сразу же в моем воображении крепко запахло скипидаром, льняным маслом, растворителями и, конечно же, красками. Мастерская — да это же целый мир!

— Хорошо, я смогу.

— Тогда давайте обменяемся номерами телефонов, и я пришлю вам свой адрес.

Я продиктовала ей свой телефон, она проверила, перезвонив мне. И этот звонок, эта моцартовская мелодия, разрезал мою жизнь на две части, отодвинув куда подальше все прошлое и озарив каким-то счастливым светом будущее.

Перед тем как уйти, она поднялась со скамейки, склонилась надо мной и слегка провела рукой по моему лицу — овал от уха до уха по линии подбородка. словно мысленно прочертив его уже на

холсте. Я зажмурилась, решив, что она собирается меня поцеловать.

— Тогда до завтра!

Она уже отошла довольно далеко от меня, когда я вспомнила, что она даже не спросила, как меня зовут.

Я поплелась домой, и этот путь, тоже пешком — жила я довольно далеко от парка, — занял у меня почти целый час. Уже перед дверью, собираясь ее открыть, я почувствовала тошноту, а потом как-то сразу заныл живот. Это была моя реакция на то, что должно произойти сейчас, стоит мне только переступить порог нашего дома. Позвонить или открыть дверь своими ключами? И тот вариант проникновения в квартиру, и другой — все было одинаково опасным и неприятным. Опасным в смысле комментариев или упреков Марины. Если открою сама, то станет ворчать, что вошла тихо и незаметно, словно хотела «подловить ее на чем-то постыдном» (хотя понятия не имею, чего такого постыдного она может делать!), но это ее слова! Если же позвоню, то упрекнет в том, что я потревожила ее, отвлекла от какого-то важного дела, вместо того чтобы самой воспользоваться ключами.

И тогда я выбрала третий, совершенно неожиданный для себя вариант — ногой, носком балетки ударила по двери. Внизу, чуть повыше порога. Не знаю, как это случилось. Возможно, это взбрыкнула моя досада или проснулся, чтобы сразу же

уснуть, мой маленький протест против домашнего тирана?

Дверь тут же распахнулась, как если бы моя сестра все это время стояла в прихожей, дожидаясь моего возвращения.

— Катюша, да ты ж моя милая! — Я буквально упала в ее крепкие объятия и с каким-то отвращением почувствовала на своем лице ее быстрые мятлые поцелуи. — Прости-прости меня, дуру, ради бога! Я не должна была тебя бить. Не знаю, как это случилось. Ты должна понять меня. Машина — это очень опасно. Ты только открой интернет и почитай, как много аварий случается вокруг, как много людей погибает, а ты... ты же совершенно не умеешь водить! Те курсы, которые ты окончила в позапрошлом году, — это не в счет. У тебя нет практики...

Курсы! Ну конечно! Я училась на курсах вождения втайне от сестры (первое время), а потом в силу определенных обстоятельств вынуждена была признаться в этом, после чего сразу же получила примерно такую же пощечину за «недопонимание»! Кажется, она и тогда говорила что-то про аварии и опасность на дорогах. И весь тот жуткий скандал был так же, как и сейчас, преподнесен как акт заботы обо мне, младшей сестре. И я должна была простить ее за то, что она таким вот демоническим образом преподносит мне уроки любви.

Вот и в этот раз, облобызав меня и тысячу раз попросив прощения за свою несдержанность, она кинулась заботиться обо мне неистово. Раз-

дела меня, разула, сама надела на меня домашние тапочки, проводила в ванную комнату и следила за тем, как я намыливаю руки. Я же, подчиняясь ей, чистая и умытая села за стол и дала себя накормить. Оказывается, пока меня не было дома, моя сестра напекла блинчиков, блинчиков, которые были вредны почти так же, как и эклеры! Блинчики блестели от масла, к тому же на столе стояли розетки со сгущенным молоком, черносмородиновым джемом и медом. Ну просто пир богов!

— Ты простила меня? Простила? — Она буквально вцепилась пальцами в мои плечи, стоя позади моего стула и дыша мне в макушку.

— Марина, да конечно... — говорила я, отправляя сдобренный сгущенкой блинчик себе в рот. — Только, пожалуйста, не отговаривай меня от покупки машины. Это глупо. Дико, наконец! Тебя послушать...

И тут я получила подзатыльник. Не сказать чтобы сильный, нет, но такой, что от неожиданности выплонула на стол кусок блинчика.

— Я вижу, ты не понимаешь, что все мои действия направлены исключительно на то, чтобы защитить тебя от тебя же!

— В смысле? — Я медленно повернула голову, чтобы посмотреть ей в глаза. — Как это — защитить меня от меня?

— Потом поговорим, — она отпрянула от моего стула и подошла к окну, встав ко мне спиной. — Ешь давай!

Мне показалось, что на кухне выпал снег — до того стало холодно. А плечи, к которым прикасалась вот только что моя сестра, заледенели.

Да уж, подумалось мне тогда, не самый удобный момент для того, чтобы рассказать ей, вновь рассвирепевшей, о том, что я согласилась поработать натурщицей у Кристины. Что ж, придумаю что-нибудь. Договорюсь с ее же подругой, которой она доверяет, с Зоей, что буду подтягивать по русскому языку какую-нибудь ее знакомую девочку.

Это было первым, что пришло в голову. Но все остальные мои варианты обмана были отменены мною же, стоило мне только представить себя на месте моей сестры. Если скажу, что записалась в бассейн, она скажет, что я могу там утонуть. Если сочинить что-нибудь про танцевальную студию, где меня могут научить аргентинскому танго, скажет, что туда ходят одни шлюхи и альфонсы. Если запишусь на курсы акварели, скажет, что...

Браво, Катя! Я поздравила себя, когда мысленно только произнесла слово «акварель». Живопись, уроки живописи — вот что будет наверняка безопасно в глазах моей сестры. Тихое и приятное занятие с хорошей перспективой стать великой художницей. А почему бы и нет! Я и с Кристиной договорюсь, что будто бы беру у нее уроки. Вот только расскажу о новом своем увлечении в другой раз, хватит мне на сегодня скандалов, слез и мятных поцелуев.

* * *

Я уже почти дошла до мастерской Кристины, как позвонила Зоя. Спросила меня, где я.

— Иду к художнице на урок, — сказала я. — А что? Марина звонила?

— Да в том-то и дело, что не звонила. И на телефон не отвечает. Может, все-таки в полицию пойдем? Заявление напишем?

— Ну ладно... — оторопела я. — Думаешь, все так серьезно?

— Ты что, не знаешь свою сестру? Да она должна была уже сто пятьдесят раз позвонить и тебе, и мне, и всем! Она человек крайне ответственный, она целую кучу народа держит под контролем. Она не могла вот так взять и исчезнуть, никому и ничего не сообщив. И если не рассказала тебе и мне, то на самом деле все это похоже на свидание, в котором ей стыдно признаться. Так вот, это и есть самое страшное!

— Не поняла. Что страшного-то в этом?

— Да то, что она, получается, познакомилась с мужчиной, с незнакомцем. Я хочу сказать, что ни ты, ни я с ним незнакомы. Мы не знаем, кто он, как его зовут, где он живет и, главное, куда они отправились! И если она молчит, то с ней просто могла случиться беда! Нет, я понимаю, конечно, Маринка наша, она с прибабахом, я-то ее хорошо знаю, и с ней не каждый может общаться, она у нас особенная, но мужику-то это не расскажешь! Может, она ненароком, не понимая, разозлила его, обидела, он ударил ее... Уф,